

В Империи соотношение численности АОВ достигло невероятной отметки 5:1:10, поэтому омеги, способные приносить качественное потомство, ценятся необычайно высоко. С самого рождения и до окончания шестнадцатилетнего обязательного обучения они ежемесячно получают солидное пособие. Без преувеличения можно сказать, что любая семья, в которой родился омега, может навсегда забыть о бедности.

Более того, омегам не нужно, подобно альфам или бетам, сдавать экзамены, чтобы получить доступ к высшему образованию, да и посещать занятия в обычных аудиториях им не приходится. Из-за их малочисленности обучение организовано в небольших специализированных группах, куда принимают исключительно омег, поэтому риск домогательств со стороны представителей других полов полностью исключен. Легко представить, какое наслаждение для глаз — видеть целую группу из двадцати с лишним нежных и прекрасных омег.

В Императорской королевской академии на занятиях по флористике сегодня проходил практический урок по составлению букетов. На столе учителя красовалась прозрачная стеклянная ваза — через нее было удобно разглядывать стебли, чтобы преподавательница могла наглядно всё продемонстрировать. Учительница Вэй, стоявшая за кафедрой, с довольной улыбкой любовалась своей работой. Ее милые непослушные локоны чуть подрагивали, а сама она, сложив руки на груди, от счастья прищурила глаза, превратив их в изящные дуги.

— Ну же, ребята, приступайте к работе!

Омеги внизу вяло отозвались, но вскоре их внимание переключилось, и они начали украдкой поглядывать на новенького, сидевшего в углу. Его натура казалась мягкой, светло-серые волосы — такими тонкими и шелковистыми, что к ним невольно хотелось прикоснуться. Пара темно-синих глаз под лампами отливала холодным блеском, а утонченные черты лица завораживали. Он напоминал цветок магнолии, источающий приятный аромат, — невинный юный господин, далекий от мирских забот, от него веяло такой искренностью, что хотелось невольно приблизиться и окружить его заботой.

И всё же, как такой красавец мог оказаться альфой? Омеги тяжело вздыхали. Впрочем, будучи ценителями красоты, они быстро забыли о странности того, что альфа делает в их группе. Все их мысли были заняты лишь тем, как после урока уговорить новенького сделать совместное фото. Раз он такой красивый, конечно же, нужно запечатлеть это на память!

Настало время для свободной практики. Учительница Вэй уже собиралась направиться к зоне отдыха, чтобы немного передохнуть, как вдруг издали донесся раздраженный голос. Это был завуч Лю — по-видимому, он отчитывал кого-то из студентов.

— Если я еще раз увижу, что ты сбегаешь с занятий, я внесу это в твое личное дело! Сколько можно повторять одно и то же? Почему ты такой неисправимый?

Среднего возраста бета с солидным животом, не скрывая раздражения, завел в класс омегу. Тот выглядел явно недовольным, в его взгляде читалось упорство. Как только его отпустили,

он, не говоря ни слова, быстро прошел на свое место. Заметив, что слева от него появился человек, он, пребывая в дурном настроении, лишь мельком взглянул в ту сторону, даже не разглядев лица, и тут же уткнулся в парту.

Завуч Лю со вздохом посмотрел на Гу Юаньциня и, указывая на него, искал сочувствия у учительницы Вэй:

— Посмотрите на него, сколько раз я ему говорил, а всё как об стенку горох.

Завуч стоял, и учительнице Вэй было неловко сидеть. Она поспешно поднялась и с неловкой улыбкой произнесла:

— Завуч, не сердитесь так сильно. В этом возрасте они все немного бунтари. Маленькие омеги еще не понимают, сколько сил мы, учителя, в них вкладываем. Повзрослеют — сами всё поймут и будут благодарны за ваше терпение.

— Мне не нужна их благодарность, я лишь хочу, чтобы они совершали поменьше ошибок и чтобы им самим было легче жить.

Лицо завуча Лю при этих словах стало еще мрачнее. Он больше ничего не сказал и молча удалился.

Стоило ему уйти, как Гу Юаньцин тут же встрепенулся. Он осторожно достал из-за пазухи припрятанный блокнот и разложил его на столе. Это было его сокровище, его жизнь. Гу Юаньцин дважды кликнул по столу, активируя экран, достал с правой стороны стилус и с головой ушел в расчеты, полностью погрузившись в формулы. Он даже не заметил, как слева на его записи упал робкий взгляд.

Шэн Тинцзин, держа в одной руке цветок, а в другой садовые ножницы, во все глаза уставился на стол своего бунтующего соседа. К сожалению, расстояние было великовато, и он мало что разглядел — лишь какие-то формулы. Чем меньше он понимал, тем сильнее становилось любопытство. Он вытянул шею, а рука его тем временем работала чисто механически: щелк — отрезал, сунул в вазу. Он даже не смотрел, что именно делает, напоминая рабочего на конвейере.

Когда шея устала тянуться, он оглянулся и понял, что горлышко вазы уже забито до отказа, а его шедевр выглядит, мягко говоря, своеобразно — весьма авангардно.

Возможно, активные движения привлекли внимание Гу Юаньциня. Он повернул голову и сразу же наткнулся взглядом на это пестрое нечто. Да, Гу Юаньцин счел, что это уже нельзя назвать искусством флористики — это было оскорбление самого цветка. Он на мгновение задумался, поднял глаза и замер: его взору предстал изысканный профиль. Очарование этого прекрасного лица захватило его в плен.

Такое красивое лицо — это было первое впечатление у большинства людей при встрече с Шэн Тинцзином, и Гу Юаньцин не стал исключением. Увидев лицо новенького, он даже на его катастрофический вкус взглянул сквозь розовые очки.

Гу Юаньцин помолчал, его ресницы едва заметно дрогнули, и он протянул руку, жестом прося отдать ему вазу.

— Учительница Вэй очень строга. С такой работой тебя точно разнесут в пух и прах. Если не хочешь выслушивать нотации, лучше после урока поищи в Звездной сети подборки по флористике и посмотри, как это делают другие.

Хотя Шэн Тинцзин и не совсем понял зачем, он всё же передал вазу соседу, подпер щеку рукой и с любопытством посмотрел на учительницу Вэй, сидевшую в зоне отдыха. Она была учителем, но сама по возрасту была немногим старше своих студентов, даже на пару лет младше Шэн Тинцзина. С ее милым детским лицом трудно было представить, что она способна на кого-то кричать.

Очнувшись, Шэн Тинцзин повернулся к отзывчивому бунтарю справа. О, нет! Он решил больше не называть его так. Теперь он будет звать его добрым парнем.

Про вкус доброго парня лучше было промолчать, но его руки были по-настоящему прекрасны: тонкие, с изящными длинными пальцами. Шэн Тинцзин взглянул на свои собственные руки и невольно признал поражение.

Гу Юаньцин работал как бездушный робот: он еще никогда не видел, чтобы кто-то сначала обрезал все цветы, а потом методично запихивал их в вазу. Первый в мире мастер промышленной флористики — воистину, ни до него, ни после такого не было.

Вставив последний цветок, он выпрямился, отряхнул руки и взял вазу. Оглянувшись на учительницу Вэй и убедившись, что она занята сообщениями в сети, он быстро встал, вернул вазу на стол Шэн Тинцзина и как ни в чем не бывало вернулся к своим записям.

После этого случая Шэн Тинцзин в одностороннем порядке решил, что они теперь друзья, похлопал его по плечу и спросил:

— Что ты ешь?

— А?

Гу Юаньцин опешил. Он привык держаться особняком, и внезапный вопрос застал его врасплох — он упустил момент для ответа.

Шэн Тинцзин продолжал:

— Можешь дать взглянуть на записи?

Гу Юаньцин всё ещё был в замешательстве, но его тело сработало быстрее разума, и он уже протянул блокнот. Честно говоря, в этот момент он почувствовал легкий стыд. Но впервые кто-то сам проявил интерес к его занятиям. Вместо страха, что его осудят, он с нетерпением ожидал, как Шэн Тинцзин оценит его работу. Его сердце было беспокойно: с одной стороны, хотелось вырвать блокнот и спрятать от чужих глаз, с другой — хотелось поделиться и услышать чужое мнение. Только бы не насмешки, иначе он точно разобьется в лепешку и пойдет развеяться на крышу.

Пока он предавался этим мыслям, Шэн Тинцзин уже пролистал всё до конца. Там были лишь учебные заметки да пара робких собственных теорий Гу Юаньцина — ему даже не пришлось вчитываться, чтобы понять содержание. После прочтения у него возникла лишь одна мысль: это точно его судьбоносный спаситель!

Он просмотрел последние записи: очевидно, что в группе, где он «учится», сейчас проходят раздел связей. Это же именно те технологии, которые ему нужны! Множество идей Гу Юаньцина были весьма оригинальны. Возможно, именно потому, что он новичок и не ограничен канонами, он видел то, чего не замечали другие. Шэн Тинцзин подумал, что господину Сайвису это наверняка понравится.

За считанные секунды в голове созрел коварный план. Он создаст для Гу Юаньцина фальшивую личность, отправит его учиться на планету Лестер, а когда тот вернется — его знания принесут Империи пятьсот лет процветания!

Шэн Тинцзин вернул блокнот. Тревога Гу Юаньцина мгновенно улетучилась, сменившись глубоким недоумением: он заметил, что этот до невозможности красивый альфа смотрит на него с подозрительным жаром. Этот взгляд не был похож на обожание или симпатию — скорее так смотрят нищие, увидевшие чек на восемьдесят миллионов.

Гу Юаньцин, ничего не понимая, втянул голову в плечи и снова зарылся в свои записи, погружаясь в океан знаний.

Прозвенел звонок, и, как и предсказывал новый сосед, их нежная и милая учительница-омега будто сменила лицо, строго отчитывая каждого студента, чья работа оказалась неудачной. Подойдя к Шэн Тинцзину, она сначала с одобрением посмотрела на него и кивнула, а затем ее лицо изменилось, и она сурово спросила:

— Гу Юаньцин, будь добр, объясни, почему ты снова прогуливаешь занятия и занимаешься посторонними делами?

Шэн Тинцзин подумал: «Так вот как зовут нового соседа».

Гу Юаньцин искренне извинился, даже не пытаясь исправиться — все преподаватели

флористики знали эту его черту. Учительница Вэй и не надеялась вразумить этого заблудшего ребенка, однако Шэн Тинцзин неожиданно заступился:

— Учительница, Гу Юаньцинъ сделал задание. Вот это — его работа, а моя — вот здесь.

С этими словами Шэн Тинцзин протянул ей охапку жалкого «сена», на которое невозможно было смотреть без слез. Нужно признать, разница в эстетике была колоссальной, тут уж не поспоришь. Учительница Вэй прикрыла глаза, ослепленная «шедевром» Шэн Тинцзина, и с облегчением посмотрела на Гу Юаньциня:

— Я знаю, ты всегда был хорошим ребенком. Впредь не прогуливай уроки.

Больше она ничего не сказала — всё равно Гу Юаньцинъ не стал бы слушать.

<http://bllate.org/book/22360/2344192>